

М. Волошин. Некто в сером

"Жизнь Человека" Леонида Андреева.
(Альманах "Шиповник"), "Иуда Искариот и др."
Его же. (Сборник "Знания", кн. XVI)

Источник: М. Волошин. Лики творчества. Л.: Наука, 1988, с. 457-463.
(Лит. памятники).
Электронная версия: В. Есаулов, 17 сентября 2005 г.

Успех последних произведений Леонида Андреева представляет знаменательное явление, как свидетельство о состоянии души русского общества в эпоху революционной смуты. Он указывает на точный уровень нравственных и философских запросов большой публики.

Истинные произведения искусства дают душе новую полноту, даже проповедуя пессимизм и отрицание. Главные же особенности произведений Леонида Андреева в том, что они оставляют в душе новое чувство пустоты - точно вынимают из нее нечто.

Описание того мертвящего равнодушия, которым заражал взгляд воскрешенного Елеазара (Лазаря), передает состояние читателя, воспринявшего одно из последних произведений Леонида Андреева.

Но он, открыв тайну бесцельности жизни, не остается молчаливым, подобно Елеазару.

Во всех его произведениях слышится особая интонация пророческой исступленности, которая требует от читателя либо полного согласия, либо открытой борьбы. Либо "верую и исповедую!", либо побивание камнями проповедника.

Это настоятельное и личное обращение к читателю особенно подчеркнуто в "Жизни Человека" той безличной формой, которая, называя действующих лиц не именами собственными, а именами нарицательными ("Человек", "Жена Человека". "Сын Человека"), говорит читателю: "Так и ты. Так и каждый".

Спорить с художественным произведением нельзя. Истинное художественное произведение вырастает в душе так же органично и бессознательно, как цветок растения. Его можно разбирать, толковать, но нельзя опровергать. Произведения же Леонида Андреева требуют возражений. Их можно и должно оспаривать. Этим они выдают проповедническую сущность, прикрытую формами художественного произведения.

В целом ряде предшествующих произведений Леонида Андреева чувствовалось присутствие некоторой правящей силы, которая до сих пор не была названа. Ей поклонялся и с нею боролся Василий Фивейский, и во имя ее устраивались кровавые гекатомбы в "Красном смехе".

В "Жизни Человека" Леонид Андреев впервые показывает ее лицо и дает ей имя. Это "Некто в сером", называемый "Он".

Герой "Жизни Человека" - "Он", а не "Человек", ибо герой трагедии - воля, а не безвольная и слепая марионетка, нервно выкрикивающая слова протеста.

Характер этого лица намечен намеренно неясно, но оно произносит все ремарки от лица автора и держит в руках все темные нити, управляющие жизнью "Человека", т. е. каждого человека.

Имя "Некто в сером" очевидно псевдоним, так как у такого значительного лица не может не быть многих иных имен, которыми называло его человечество.

Каковы же иные имена этого "Некто"? "Он" говорит "твердым холодным голосом, лишенным волнения и страсти, точно наемный чтец, с суровым безразличием читающий книгу судеб".

Черты знакомы.

"Судьба - это суфлер, читающий пьесу ровным голосом без страсти и без выражения. Свистки, крики, аплодисменты и все прочее производят люди", гласит один из старых афоризмов Людвиг Берне. [1]

Но Берне говорит о судьбе народов. Судьба отдельного человека, называется ли она Роком, Фатумом, Ананкэ, Мойрой или Кармой, всегда индивидуальна, прихотлива и всегда заложена в самом человеке. Некто же в сером возвещает только незыблемые каноны жизни Человека - каждого человека:

"Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека с ее темным началом и темным концом. Доселе не бывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, - он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни.